

УДК 94 (476.25) «18/19»

И. А. ГРИЩЕНКО

(Гомель, УО «Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого»)

**АНТИЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА)**

В статье проанализирована идейная связь коллективизации и антирелигиозной политики советского государства. Представленные архивные материалы по Гомельской области позволяют оценить масштаб и результат репрессивной политики, проводимой советским руководством в 1930-х гг. в отношении крестьян и православных верующих.

Конец 1920-х годов в СССР ознаменовался резким обострением церковно-государственных отношений. Главная причина ожесточенности

антирелигиозной борьбы кроется в идейной несовместимости марксизма-ленинизма с религией вообще и с христианством в частности, что лаконично выразил лозунг «Союза воинствующих безбожников» «борьба с религией есть борьба за социализм». В апреле 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли закон «О религиозных объединениях», который поставил их под жесткий контроль государства. Начавшаяся коллективизация сельского хозяйства предрешила судьбу монашества. Монастыри еще существовали в 1920-е гг. как сельскохозяйственные коммуны, теперь эти социальные институты воспринимались как чуждые социалистическому образу жизни. С 1928 г. начали массово закрывать приходские церкви. Право окончательного решения по закрытию церкви передавалось областным и краевым советам.

Во многих местах создание колхоза не только сопровождалось, но и начиналось с закрытия храма и снятия колоколов, что нагнетало обстановку в деревне и создавало негативный имидж колхозным активистам. ЦК ВКП(б) в постановлении от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями в колхозном движении» осудило перегибы в отношении религии, отметив, что закрытие церковью допустимо «лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян» [1, с. 89]. В то же время, в случае сопротивления верующих, рекомендовалось «разъяснить и доказывать необходимость закрытия церкви» [2, л. 113]. Таким образом, отступление от намеченного курса по ликвидации церковной жизни было тактическим ходом и мало что меняло в практической реализации этого курса. В соответствии со сталинской доктриной, об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма, церкви отводилась роль естественного противника советской власти. К 1938 г. единственной организационной структурой, занимавшейся религиозной политикой был церковный отдел ГПУ. Нормальные контакты церкви и государства практически прекратились.

Коллективизация и антирелигиозная пропаганда и в практике властей и в сознании населения составляли единое целое, о чем свидетельствуют события рубежа 1920–1930-х гг. в Гомельском регионе. На собраниях по поводу организации колхозов крестьяне часто спрашивали: «Как могут существовать церкви, если мы пойдем в колхоз?» [3, л. 31]. В ряде случаев крестьяне ставили условие: «Мы будем работать в колхозе, но только чтобы у нас церковь была открыта» (с. Макановичи Хойникского района) [2, л. 177]. Во многих деревнях закрытие церкви проводилось грубо, с кощунствами в отношении святых. Это вызывало эксцессы, как, например, в с. Гордуны Тереховского

района. 24 апреля 1930 г. колхозники приступили к снятию крестов с церкви, изъятой у верующих три месяца тому назад. «Толпа набросилась на колхозников, бросали камни, не давая снимать кресты. В результате чего колхозники разбежались» [4, л. 82]. В д. Дворище Хойникского района 1 марта 1930 г. двое колхозников расстреляли иконы, изъятые в свое время у церкви. Происходило это на глазах женщин, шедших в церковь [5, л. 282]. В д. Новый Радин Комаринского района председатель колхоза, член КП(б)Б Митрохович, секретарь сельсовета Шаврей, местный учитель, ветеринарный фельдшер и несколько комсомольцев 2 марта 1930 г. учинили в церкви дебош, – танцевали, одевали на себя ризы, «венчались», – «в результате чего имело место массовое выступление толпы женщин с протестами» [5, л. 283].

Неудачи в колхозном строительстве власти объясняли негативным влиянием реакционного духовенства и вредительством со стороны антисоветских элементов. Однако о непопулярности колхозов говорит повсеместная реакция крестьян на статью И. В. Сталина «Головокружение от успехов», – крестьяне начали массово выходить из колхозов, ссылаясь на принцип добровольности. Колхоз «Единство» Чечерского района в начале 1930 г. насчитывал 42 населенных пункта с 1 000 дворов. В марте 1930 г. поступило 600 заявлений о выходе из колхоза [2, л. 22]. Одно из самых крупных коллективных хозяйств Лоевского района Днепровская коммуна объединяла 800 хозяйств. О выходе из нее подало заявлений более двухсот хозяйств. Повсеместно разбиралось обобщественное имущество [2, л. 125–126]. В колхозы не спешили записываться не только середняки, но и батраки. Индивидуальные хозяйства по Гомельскому району в марте 1930 г. составляли 87 % [2, л. 132]. Картину того, что происходило в это время в деревне, хорошо передает письмо, написанное 17 апреля 1930 г. председателем Бывальковского сельсовета Е. И. Гордиенко на имя т. А. Г. Червякова: «Женщины не хотят идти в колхоз. Народ очень религиозен, батюшка забран, церковь закрыта и теперь никак нельзя проводить массовой работы. Где бы ни стали проводить собрание, сейчас же начинают спрашивать за батюшку. Ко мне неделю ходили крестьяне, чтобы я им дала справку, чтобы им дали батюшку. Крестьяне требовали внести этот вопрос на общее собрание. Когда же этого не сделали, то при обсуждении вопроса о заготовке картофеля, крестьяне заявили, что будет батюшка, тогда будет и бульба. Когда разъяснили, что колхоз – организация добровольная, стали выходить. Из 150 хозяйств осталось 23. Крестьяне недоверчивы, особенно беднота. В состав

сельсовета не голосуют за колхозников. Дайте совет, как дальше работать. Особенно, как проводить массовую работу среди верующих крестьян, где так стоят за батюшку» [6, л. 10].

Трагедией деревни стали массовые выселения крестьянских семей. В начале 1930-х гг. крестьяне часто ходатайствовали за своих односельчан, как это было в д. Абакумы Карповского сельсовета Лоевского района, где беднота взяла под свое покровительство семью Гончаренковых, представив в Лоевский районный исполнительный комитет приговор крестьянской сходы [2, л. 22]. Бывали вопиющие, с точки зрения властей, случаи, когда в этом принимали активное участие коммунисты и комсомольцы, члены сельсоветов. Так, Ассаревичская ячейка ЛКСМБ и отдельные кандидаты в члены партии ходатайствовали об освобождении и взятии на поруки дьячка Ассаревичской церкви Павла Галко, арестованного органами ГПУ за антисоветскую деятельность. Гомельский окружной отдел ГПУ убедительно просил передать по местам, что подобные ходатайства «затрудняют работу органов». Коммунистов и комсомольцев предупредили, что за участие в подобных акциях они будут привлекаться к партийной ответственности со всеми вытекающими последствиями [5, л. 299 об.–230]. Проявление милосердия, человеческого участия к жертвам террора становилось преступлением. Христианство тоталитарному режиму мешало именно тем, что культивировало эти качества в человеке.

Не везде выселение кулацких семей проходило тихо и быстро. Во многих местах Тереховского района крестьяне возмущались тем, что решение, кого выселять принималось без их участия. На составленные списки реагировали репликами: «У нас нет кулаков и некого выселять»; «Мы из деревни никого не дадим, пусть выселяют все село» [2, л. 15–16]. Многие не скрывали своего сочувствия в отношении раскулаченных. Особенно жалели детей: «Взрослых не так жалко, а только детей, что невинно страдают, насмотришься на возы с людьми, руки отпадают от работы». Два уполномоченных Гомельского районного исполнительного комитета (фамилии не установлены) расплакались от жалости к выселяемым. Хватало и злорадства в отношении репрессированных. Бедняки с. Борисовщина Хойникского района считали, что жалости зажиточные крестьяне не заслуживают, так как сами мало ее проявляли в отношении бедноты [2, л. 31, 37]. Но сочувствие к ссыльным крестьянам все-таки преобладало. При выселении семьи Попкова в с. Бартоломеевка Ветковского района председатель сельсовета Башилов демонстративно снял пальто со своего сына и надел на сына выселяемого крестьянина, а так же

положил на воз два пуда муки [2, л. 41]. Письма ссыльных свидетельствуют о том, в каких условиях они оказывались: «Куда везут, не известно. Едем уже второй день и за все время нас не выпускают на двор, воздух в вагоне невыносимый, у всех испортились желудки, цвет лица изменился – желтые и измученные» [2, л. 87–88]. В письмах ссыльных содержатся просьбы к родственникам забрать хотя бы детей, так как в местах ссылки высокая смертность.

Возмущались политикой советского государства и рабочие Гомеля. На вагоно-ремонтном заводе можно было услышать: «Вот начали гнать мужиков, что и вагонов не хватает, людей везут как скот – по 50 человек в вагоне... выброшенные дети ползают по снегу, замерзают, а все благодаря политике Сталина» [2, л. 86–87]. Служащие станции Гомель сетовали: «В старое время в Сибирь так высылали разбойников, как теперь высылают крестьян-мучеников. Такого обращения с людьми не было ни при одном правительстве» [4, л. 66]. Курсант школы охраны Гришин при разговоре со стрелками по поводу выселения кулаков сказал, что когда он сопровождал эшелон с выселяемыми в Сибирь кулаками, то не мог хладнокровно смотреть, «как мучается ни в чем не повинный народ» [4, л. 60]. Рабочий Назюта, принимавший участие в выселении кулаков из Комаринского района, заявил, что среди ссыльных были такие, кого бы он оставил под свою ответственность: «Какой он кулак, когда у него на руках мозоли, как у меня» [2, л. 152].

Церковь не могла остаться в стороне от той драмы, которую переживала деревня. Некоторые семьи приглашали священников отслужить молебен и благословить их на дорогу (с. Терюха Гомельского района) [2, л. 21]. 18 марта 1930 г. при проезде обоза с выселяемыми по г. Речице священник Бутон вышел из дома с крестом и благословлял проезжавших [2, л. 37]. Если это властями расценивалось как антисоветская агитация, то тем более панихида по случаю «преждевременной смерти попа Голубева, погибшего в изгнании в Сибири», отслуженная священником с. Уть Тереховского района, выглядела уже тяжким преступлением против советской власти [4, л. 24].

В отчетах райкомов отмечалось, что празднование советских праздников (1 Мая, 7 ноября) проходит без энтузиазма, особенно в районах, где много единоличных хозяйств. В д. Чиколовичи Комаринского района на 30 апреля 1930 г. было намечено открытие клуба в здании бывшей церкви. На мероприятие пришло только десять человек. Многие женщины заявили, что они никогда туда не пойдут, и будут требовать возвращения церкви [4, л. 129]. Нередко приход

в церковь был своеобразной формой протеста против политики советского руководства. Например, в с. Старая Белица Уваровичского района сложилась крепкая церковная община, которая имела большое влияние на молодежь. Некоторые молодые люди по поводу коллективизации дерзко заявляли: «Хоть и не верим, а в церковь будем ходить на зло вам» [2, л. 44]. Озабоченность у властей вызывало индифферентное отношение учителей к советским пропагандистским кампаниям: «Учителя в деревне замкнулись, в общественной работе не участвуют. Деревенские партийцы много религиозничают, прикрываясь религиозностью жены. Гордуновский учитель среди учеников ведет агитацию против открытия семилетки в церкви. Гордуновская учительница перед Пасхой посылала учеников целовать плащаницу. Некоторые члены партии на пасху приготавливали куличи, многие партийцы имеют до сих пор иконы» [7, л. 37].

В рамках антирелигиозной кампании советские органы власти делали все возможное для ликвидации духовенства как класса. В первую очередь репрессировались активные священники, пользующиеся уважением и авторитетом у населения. В феврале 1930 г. «тройка» Полномочного представительства ОГПУ по Белорусскому военному округу приговорила Каешко Герасима Матвеевича к высшей мере наказания. Его семья была выслана, крестьяне, проходившие по этому делу, получили различные лагерные сроки. Столь суровый для рубежа 1920–1930 гг. приговор был вызван невероятными результатами деятельности иеромонаха Герасима (Каешко), уроженца д. Кобылянка (Рассветная) Уваровичского района. В 1926 г. он восстановил храм в Даниловичах, сгоревший в 1915 г. А в 1927–1928 гг. построил церковь в Кобылянке, на земле, принадлежавшей его семье. Вину перед советской властью усугубляло то, что иеромонах Герасим принадлежал к «иосифлянской» группе православных [8, с. 57–64]. В 1931 г. священник Поколюбичской церкви Гомельского района Попович Федор Петрович, так же принадлежавший к «правой» церковной оппозиции иосифлян, и пользовавшийся популярностью у молодежи, получил пять лет ИТЛ и дальнейшая его судьба не известна [2, л. 177; 8, с. 158; 9, с. 239–240]. За антисоветскую агитацию пять лет исправительно-трудовых лагерей в апреле 1931 г. получил Чепков Василий Петрович, иерей церкви с. Еремино Гомельского района. После досрочного освобождения в 1933 г. он поселился в с. Бобовичи и нелегально совершал богослужения в деревнях Гомельского района. После второго ареста в мае 1938 г. священник Василий Чепков был расстрелян 29 сентября 1938 г. [9, с. 244–245].

В июле–августе 1937 г. Гомельский отдел НКВД провел серию арестов православных священнослужителей и мирян общим числом 57 человек, выдвинув им обвинение в причастности к «гомельской контрреволюционной организации церковников». Решением заседания Особой Тройки НКВД БССР были приговорены к расстрелу все гомельские священники (как «иосифляне», так и «сергиане»), активные миряне. Приговор был приведен в исполнение 1 ноября 1937 г. От репрессий не спасал и отказ от священнического сана. Г. А. Жудро, служивший в Рогачевском районе и сложивший с себя сан, в 1930 г. был приговорен к высылке в Сибирь. В. П. Зорин, бывший священник Чонского Свято-Успенского женского монастыря, несмотря на публичное отречение от сана в 1931 г., расстрелян 1 ноября 1937 г. Так же были репрессированы бывшие священнослужители П. В. Скорубский и В. И. Еськов [9, с. 315–318].

К 1941 г. в Гомельской области не осталось ни одного действующего храма. Еще в начале 1920-х гг. советский агитпроп подчеркивал, что трудность борьбы с религией, этим «последним оплотом реакции», заключается в ее укорененности в подсознании людей [10, л. 50]. Одних только агитационных методов борьбы с религией было недостаточно. Репрессии в отношении духовенства и верующих стали составной частью общей политики советского государства и коллективизации в частности.

Список использованных источников и литературы

- 1 Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М. В. Шкаровский. – М. : Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. – 424 с.
- 2 Сводки окружного административного отдела и дорожно-транспортного отдела ОГПУ. 1930 // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 622.
- 3 Протоколы районной конференции женщин-батрачек, общих собраний по перевыборам делегатских собраний Юровичского района // ГАООГО. – Ф. 72. Оп. 1. Д. 43.
- 4 Сводки окружного административного отдела и дорожно-транспортного отдела ОГПУ. 1930 // ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 623.
- 5 Переписка с партийными организациями, органами ГПУ, милицией о фактах нарушения революционной законности, ЧП, ликвидации неграмотности. 1929–1930 // ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 502.
- 6 Постановления, сведения о колхозном строительстве, работе среди бедноты, партийно-массовой работе на селе. 1929–1930 // ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 599.

- 7 Протоколы партконференций, заседаний бюро, партсобраний, совещаний Тереховского райкома. 1927–1928 // ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 230.
- 8 Цыкунов, С. В. Исторические сведения о приходах Гомельской епархии. Гомельский район / С. В. Цыкунов, В. Л. Ветошкин. – Гомель : Барк, 2017. – 212 с.
- 9 Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953): биографический справочник / авт.-сост. А. В. Слесарев. – Жировичи : Издательство Минской духовной академии, 2017. – 339 с.
- 10 Протоколы собраний АПО губкома РКП(б). 1922–1923 // ГАООГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1660.